

18+

Станислав
Гольдфарб

БАЙКАЛ

ИСТОРИИ
СИБИРСКОЙ
СТАРИНЫ

Станислав Гольдфарб Байкал. Истории сибирской старины

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43313290

ISBN 9785005014559

Аннотация

Все истории в этой книге объединяет Байкал. Здесь, в Сибири, его никогда не называли озером – только морем. Об обычаях, событиях и исторических фактах с ним связанных рассказывает автор. В основе материалов многочисленные источники и литература.

Содержание

Достояние России	5
Древний, древний, древний Байкал	7
Русские люди осваивают Прибайкалье	20
Самое крупное хранилище чистой пресной воды на Земле	23
Байкальские промыслы	41
Охота	41
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Байкал
Истории
сибирской старины
Станислав Гольдфарб

А. Асеева *Корректор*

С. Григорьев *Иллюстратор*

© Станислав Гольдфарб, 2019

© С. Григорьев, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-1455-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Достояние России

О Байкале можно рассказывать и рассказывать... о мировых запасах питьевой воды, о поющих песках, удивительном льде, о глубинах, которые наполнены жизнью, животных и растениях, которые встречаются только здесь, о цивилизациях, которые возникали на его берегах...

Им можно и любоваться, и восторгаться до бесконечности. Природа создала его, и он не требует никакого рукотворного вмешательства. Просто неукоснительно соблюдать законы, его оберегающие, дабы не навредить.

Для каждого он свой, но в главном общий – Байкал уникален во всем.

Байкал – объект мирового природного и культурного наследия, и это обязывает относиться к нему соответственно. Для жителей Приангарья это еще и возможность прекрасного отдыха, доступных путешествий, практика хозяйственного взаимодействия.

Именно рассказом о Байкале Законодательное собрание Иркутской области решило начать свою краеведческую библиотечку. Содержание ее сформируют события и люди, которыми может гордиться не только наша малая родина – Иркутская область, но и вся Россия. В этих миниатюрных томиках сложно описать все богатство биографий наших замечательных земляков, среди которых космонавты и первоот-

криватели алмазов, спортсмены и государственные деятели, герои России, путешественники и ученые, мореплаватели и педагоги, врачи, крестьяне, конструкторы и многие, многие иные выдающиеся профессионалы. И, конечно, не уложишь все богатство нашей Байкальской Сибири с ее многообразием полезных ископаемых, энергетических возможностей, промышленности и сельского хозяйства. Но в этом и нет большой нужды. Мы хотим, чтобы эта краеведческая библиотечка знакомила с лучшими примерами человеческой истории, истинными подвигами наших земляков, с теми уникальными объектами, которые связаны с Приангарьем. Пусть она помогает просвещать и напоминать, что все имеет свое начало, что все лучшее должно иметь продолжение.

Начиная эту краеведческую серию, мы, законодатели, хотели бы внести свою лепту в возрождение краеведческих традиций Иркутской области. Они по-настоящему интересны и увлекательны. Пусть эта наша библиотечка поможет вам совершить увлекательное путешествие по Приангарью.

Сергей Сокол,

Председатель Законодательного собрания Иркутской области

Древний, древний, древний Байкал

Можно лишь догадываться, что испытал древний человек, открывший для себя Байкал. Одно совершенно очевидно: кроме поклонения этой водной стихии, пращур попытался понять, как взаимодействовать с ним. Это необъятное водное пространство, леса и горы должны были стать источником жизни, всего необходимого для жизнедеятельности. Человек избрал путь взаимодействия, который оправдался и позволил ему обеспечивать настоящее и будущее свое и своих потомков.

Более 130 лет тому назад в одной из первых книг для учащихся иркутских школ, училищ, гимназий, которая называлась «Иркутск и Иркутская губерния», о Байкале читаем: «Байкал имеет огромное значение для иркутской губернии. Он снабжает ее одним из главных продуктов продовольствия – рыбою». Действительно, Байкал служил природной фабрикой продовольствия. Но он не просто кормил, поил и одевал. Он стал миром для тех людей, которые жили на его берегах, соприкасались с ним, влияя во многом на их представления об окружающей действительности, формируя философию, стиль жизни. В совокупности все это можно определить как систему нравственных ценностей.

Байкал – это наиболее простой и зримый пример взаимоотношений человека и природы: от гармоничных взаимоува-

жительных до хищнических и исключительно потребительских.

На этих контрастах возникло собственно экологическое движение в СССР, стали пропагандироваться экологические ценности, продолжилось наполнение понятия «окружающая среда» практическим содержанием. Байкал, конечно же, стал центром накопленной истории. Археолог В. В. Свинин, анализируя итоги археологических исследований на Байкале, сделал предположение, что заселение берегов Байкала древним человеком, возможно, произошло еще в верхнем палеолите, а сам Байкал не был препятствием для передвижения и контактов между палеолитическим и мезолитическим населением Прибайкалья и Забайкалья. Он писал: «В период мезолита, когда на территории Прибайкалья вызревает новый хозяйственный уклад, характеризующийся комплексным использованием природных ресурсов края и, в первую очередь, освоением его водных богатств, побережье Байкала широко заселяется первобытным человеком».

В известной пятитомной «Истории Сибири» утверждалось, что на берегах Ангары и Байкала «существовал мощный очаг первоначальной художественной культуры. Культура эта находилась на том же уровне, что и одновременные центры палеолитического искусства в Западной Европе».

Ученые, исследовавшие петроглифы байкальской скалы Саган-Забы, были поражены той точностью, с которой древний художник передавал на камне события повседневной

жизни. «Выбивая на скале оленя, человек верил, что изображение поможет обрести над зверем волшебную власть. Он стремился нарисовать его как можно ближе к натуре, с характерными особенностями: гибкую, пластичную фигуру с ветвистой тяжелой короной рогов над изящной мордой, с сильными и быстрыми ногами.

Олень изображен летящим в прыжке. Его шея слегка отклонена назад, передние ноги поджаты, а задние вытянуты после мощного толчка. Вся фигура животного наполнена порывом и экспрессией...

Другой рисунок показывает лосиху. Это большое, в половину натуральной величины изображение представляет животное в спокойной позе. Лосиха как бы остановилась на лесной опушке и прислушивается к какому-то шороху. С удивительной точностью древний мастер передал общие очертания и пропорции грузного тела лосихи, с массивным брюхом, с несколько удлиненной горбоносой мордой. Очень живо он нарисовал и детали лосиной головы: круглые, как бы настороженные глаза, мягко очерченную верхнюю губу, нависающую над нижней, которая переходит в подгубную серьгу –местилище души зверя. Внутри очертаний живота лосихи располагаются линии, изображающие две схематичные человеческие фигурки с широко раскинутыми руками. Эти фигурки – изображения заклинателей духов, шаманов. Они нарисованы художником в ритуальной пляске-камлании.

Их ноги широко расставлены и согнуты в коленях, головы

венчает традиционный головной убор, напоминающий бычьи рога. Линии правой руки большей по размеру фигурки преувеличенно длинны и образуют на конце утолщение, которое, по-видимому, выражает один из атрибутов шаманского ритуала: жезл, волосяную щетку-колотушку, может быть, небольшой бубен...

Изображение шаманов внутри живота лосихи – чрезвычайно редкое и очень любопытное явление. Этот рисунок – изображение легендарной «матери-зверя», тотема шаманов некоторых из древнейших сибирских племен, своеобразная монументальная иллюстрация одного из ныне полузабытых мифов о лосихе-прародительнице».

Потом художник дорисовывал сюжеты земледельческой и скотоводческой деятельности. Здесь есть лебеди и утки, готовые к перелету. Академик А. П. Окладников относил эти рисунки к концу второго тысячелетия до н. э.!

В раннем неолите появляются лук и стрелы, проводятся первые опыты шлифования камня, изготавливаются разнообразные приспособления для рыбной ловли. В 1966 году на мысе Шаманка иркутские археологи открыли поселение неолитической эпохи. Выяснилось, что главным занятием живших здесь людей были охота, рыбная ловля, собирательство. В то время совершенствовалась техника владения орудиями охоты, для их изготовления использовались новые материалы, например, зеленый нефрит.

Люди эпохи неолита старались расселяться вблизи боль-

ших водоемов, которые давали возможность добывать пищу. И, как считают археологи, здесь, на берегах рек и озер, люди жили в течение длинного ряда поколений. Б. Э. Петри «реконструировал» жизнь такого прибрежного стойбища. «Само селение состояло из небольшого числа жилищ. У самой полосы прибоя лежали вытащенные на берег челны. За ними стояли шесты, на которых развешивались для сушки сети. Еще дальше от берега устраивались очаги из трех камней для варки пищи, а несколько ближе к краю обитаемого места сооружались печи для обжигания, горшков. Линия очагов была местом, где обитатели поселка проводили наибольшую часть времени. Здесь раскладывались большие каменные плиты для чистки рыбы, здесь происходила трапеза и повседневные работы.

На заднем плане стояли жилища; летом неолитики жили в конусообразных юртах, состоявших из жердей, покрытых, по-видимому, лиственничной корой, придерживаемой у земли большими и малыми камнями. Посреди жилья стоял очаг из трех камней на случай ненастной погоды. Зимой жили в четырехугольных землянках. Древние жители нашего края обладали, как нам доказывают дошедшие от них вещи, выраженной любовью к украшению всего, что являлось делом их рук; несомненно, они украшали свои дома богатой резьбой и рисунками.

Жизнь рыбацкого поселка протекала шумно и хлопотливо; событиями служили обильный улов рыбы, возвращение

с окрестных гор охотников, отягченных добычей, и прибытие лодок с гостями из соседнего поселения».

Петри считал, что неолитический человек в Прибайкалье был миролюбив; ученый не нашел никаких доказательств его воинственности.

Добавим еще несколько важных штрихов к характеристике сибирского человека эпохи неолита.

Исследователи (в частности, Н. П. Егунов) отмечали, что неолитический человек в Предбайкалье к концу неолита не просто освоил рыбную ловлю, а поучаствовал в расцвете отрасли. Это способствовало разнообразию в пище и созданию обширных поселений, которые были самодостаточны в своей жизнедеятельности. А. П. Окладников в ходе своих археологических исследований осторожно предположил даже существование коллективного первобытно-общинного производства.

Равноправие среди людей времени неолита археологи усмотрели и в характере погребений: они во многом единообразны, хотя найдены и индивидуальные захоронения.

Именно во время неолита начинается миграция племен: байкальские охотники, собиратели и рыболовы оказываются на территории Забайкалья и Приамурья. Появляются здесь племена кочевых бурят. По некоторым данным археологов, этнографов и этнолингвистов, отдельные пробурятские племена сложились в конце неолита и в эпоху бронзы (2500—1300 годы до н. э.). Начало II тысячелетия до н. э.

в Прибайкалье – эпоха металла, или бронзовый век. Появление новых материалов – бронзы и меди – сыграло выдающуюся роль в истории человечества, в том числе и населения Прибайкалья. Ведь использование орудий труда из металла значительно улучшило качество обработки рыболовных и охотничьих снастей, расширило возможности человека в добывании пищи, выделке одежды. Историки попытались реконструировать внешний вид обитателей Прибайкалья. «Характерной и наиболее яркой деталью костюма глазковцев был передник, украшенный кольцами и кружками из нефрита или бусами. Если кольца и диски нашивались на передник по одному или несколькими экземплярам, то перламутровые бусы в некоторых, наиболее богатых погребениях встречаются сотнями... На головной убор нашивались диски из нефрита и мрамора, а также кольца из того же материала и бронзы. В других случаях на головной убор прикреплялась полоса из перламутровых бус или клыков марала, которые сочетались иногда с кольцами и дисками. Реконструированный по расположению украшений головной убор глазковцев близок к тунгусской шапочке».

Любопытная деталь: именно в это время в Прибайкалье, как считают историки, изменяется удельный вес рыболовства в экономике. Если раньше этот вид деятельности был подчинен охоте, то теперь он становится ведущим.

Некоторые исследователи пришли к выводу, что в Южной половине Байкала, верховьях Лены, Ангары и Селенги

происходит в это время формирование особого этнографического комплекса тунгусских племен. Появились специфические элементы быта: берестяная лодка, сложный лук, кафтан из цельной шкуры, полы которого стягивались на груди вязками поперх узкого нагрудника. Жилищем тунгусов становится конический чум.

Начиная с третьего века до нашей эры на огромной территории, в том числе и на прибайкальских землях, происходят события исторической важности: возникают ранние государственные объединения хунну, жужаней и древних тюрков. Монголоязычные племена наступают на Прибайкалье и постепенно осваивают его. Много веков спустя, когда было создано Монгольское государство во главе с Чингиз-ханом, Забайкалье и, соответственно, Прибайкалье уже находились в центре политических событий.

В конце I тысячелетия до н. э. в степях Монголии и Забайкалья появились гуннские памятники. Гунны создали мощное государство, которое распространило свое влияние и на прибайкальские земли. В районе южного Прибайкалья произошло скрещивание среднеазиатских и восточных гуннов. Гунны, как известно, были воинственным народом, главным родом их войск являлась конница. Во главе родов стояли старейшины, сохранялись органы родового строя – Совет старейшин и народное собрание. Во главе гуннского общества стоял верховный вождь.

В более поздние времена, в VI—X вв., Прибайкалье на-

селяли разные народы тюркской группы. Наиболее сильными были племена курыканов и байырку, «обладавшие достаточно развитой культурой, имевшие письменность, знавшие различные ремесла и умевшие добывать железо; основу их хозяйства составляли полукочевое скотоводство, земледелие и охота». Курыканы и байырку занимали особое место среди племен, населявших Восточную Сибирь. По данным историков, «памятники этой культуры – поселения, городища, могильники, стоянки, наскальные рисунки (писаницы) – были распространены по обоим берегам Байкала в следующих пределах: низовья Селенги у Кабанска, долина Баргузина, Тункинский край, долина Ангары до Балаганска... Основной областью курумчинской культуры являлась южная часть Приангарья и Приленского края с заключенной между ними частью Байкальского побережья и острова Ольхон».

Байкал в разные годы входил в число территорий, подвластных государству Хуннов. Оно, по определению Л. Гумилева, было кочевой державой, которая сложилась в 209 г. до н. э. Тогда же была построена Великая китайская стена, которая стала своеобразной границей между Китаем и Великой Степью. «Стена была проведена не только по географической, но и этнографической границе Китая; население, жившее к северу от стены, считалось китайцами „варварским“, чужим как по происхождению, так и по образу жизни, а в политическом отношении враждебным, к чему были весьма веские основания. Именно там сложилась держава

Хунну».

Хунны жили на землях современной Внутренней и Внешней Монголии, Джунгарии, Южной Сибири. Стержнем их хозяйственной жизни являлось кочевое скотоводство.

Производственный результат кочевого скотоводства – это прежде всего мясо, кожа, мех. Одежда, хлеб, посуда приобретались в ходе меновой торговли. «Кочевники вообще, а хунны и тюрки в частности, изобрели такие предметы, которые вошли в обиход человечества как нечто неотъемлемое от человека. Такой вид одежды, как штаны, без которых современному европейцу невозможно представить себе мужской пол, изобретены кочевниками еще в глубокой древности. Стремя впервые появилось в Центральной Азии между 200 и 400 гг. Первая кочевая повозка на деревянных обрубках сменилась сначала коляской на высоких колесах, а потом выюком, что позволило кочевникам форсировать горные, поросшие лесом хребты. Кочевниками были изобретены изогнутая сабля, вытеснившая тяжелый прямой меч, и усовершенствованный длинный составной лук, метавший стрелы на расстояние до 700 м. Наконец, круглая юрта в те времена считалась наиболее совершенным жилищем».

Затем Прибайкальские земли оказались в зоне влияния Сяньби. Сяньби представляли собой кочевые племена. Они кочевали преимущественно на территории современного автономного района КНР – Внутренней Монголии.

После падения державы Сяньби прибайкальские земли

отходят Жужанскому каганату, граница которого на севере доходила до Байкала. Точное происхождение жужаней неизвестно.

Тюркский кагант был последней могущественной державой, которая объединила степи от Желтого моря до Черного.

Сеяньтоское ханство, границы которого простирались от Алтая до Хингана и от пустыни Гоби до Байкала, сменило ханство Уйгурское. По мнению ряда сибирских археологов, центром его являлся бассейн реки Селенги.

Нетрудно заметить, что Байкал и территории вокруг него входили в состав государств, которые в разные годы играли ключевую роль в мировой истории, формировании этносов и культур.

Прибайкалье связывалось и с именем великого полководца и завоевателя Чингис-хана. По одной из легенд, которую записал академик Миллер, именно на Ольхоне находился огромный котел монгольского хана, по другой – великий монгол завещал похоронить себя именно на Ольхоне.

В X—XI вв. территория вокруг Байкала и сам Байкал обозначались монголами как Баргуджин-Токум.

Древнейшая история Байкала под стать его уникальности. Генрих Шурц писал: «В древнейшей истории Средней Азии монголы так мало фигурируют, что позволительно сомневаться, имеем ли мы здесь вообще дело с народом, корни которого уходят далеко в прошлое. Первоначальные поселения монголов, насколько это поддается исследованию, лежат

на северной окраине среднеазиатской степи в области озера Байкал. Но именно эта северная окраина является ареной, где образовались самые важные государства кочевников, настоящим ядром пастушеских народов-завоевателей; здесь гунны продержались до самого конца, здесь было сосредоточие тюркского владычества. Кочевые народы, населявшие эту область в новейшее время, главным образом из обломков более древних этнических элементов, и заключали в себе остатки всех прежних обитателей».

По рассказам Л. Н. Гумилева, на берегах Байкала и к западу от него жило племя меркитов. «Что это за племя, – писал Гумилев, – никто не знает. Сейчас роды меркитов есть среди некоторых алтайских племен, но это потомки, сменившие свой язык. Есть три мнения: что это тюрки, что это монголы, что это сомадийцы-самоеды, то есть оставшиеся здесь, не ушедшие на север. Мне последнее мнение кажется наиболее вероятным, но доказательств ни у кого нет, и у меня тоже, это просто интуиция. Так вот эти меркиты были очень воинственное племя. Меркиты воевали очень долго, до 1208 года, пока их не разбили окончательно монголы, и тогда они убежали с берегов Байкала и из Монголии...»

Из племен северной Монголии выделяются предки позднейших бурят. Исчезают курыканы, которых сменили монголоязычные племена. В VII—X веках появляются сведения о баргутах. Есть информация, что племена баргутов кочевали между Хэнтеем и Хинганом на территории современной

Монголии. Какое-то время баргуты входили в состав Тюркского каганата, неоднократно восставали в надежде добиться независимости. Потом их насильно присоединили к китайской империи, они входили в состав Уйгурского каганата и, наконец, вошли в состав племенного союза «Баргуджин-токум» и состав монгольской империи. В древних монгольских преданиях говорится, что дочь вождя баргутов Борджигин-гоа стала женой вождя племени хори. У них родилась дочь Алан-гоа, которую монголы считают своей праmaterью. В новом союзе баргуты играли важную роль. А когда они вошли в состав монгольской империи Чингис-хана, то баргутские воины состояли в его личной гвардии.

Предки бурят занимались охотой, скотоводством, умели добывать металл, славились его обработкой. Постепенно бурятские племена заселили территории вокруг Байкала, по долинам рек Ангары, Лены, Баргузина и Селенги.

Бурятское имя Байкала «Байгал» встречается в самых разнообразных источниках, в частности в летописи Мэргэн Гэгэна, которая датируется 1765 годом.

Русские люди осваивают Прибайкалье

Академик Л. С. Берг считал, что впервые русские люди услышали о Байкале в 20-х годах XVII века, а наиболее ранний источник русского происхождения, в котором упоминается Байкал, Берг относил к 1640 г.

В начале XVII века русские дружины казаков предприняли первые попытки по Ангаре проникнуть в Забайкалье, а с начала 40-х годов XVII века в контакт с казаками стало вступать бурятское население районов, непосредственно прилегающих к Байкалу.

В «Чертежной росписи» притоков Лены также есть сведения о Байкале. Собраны они были в 1640—41 гг. первопроходцами через тунгусского князя Можеула. Он свидетельствовал, что в 1640 году по «Ламе» (Байкалу) ходили на судах русские люди. В источнике между прочим записано: «А вода в Ламе (Байкале – С. Г.) стоячая, пресная, а рыбы в ней всякая и зверь морской. А где пролива той Ламы в море, того те тунгусы не ведают».

Итак, «пролив той Ламы в море»!.. Возможно, этим объясняются постоянные походы на Байкал служилых, столь пристальное изучение Байкала и прибрежных земель в ходе научных экспедиций. Искали выход в океаны! Не могли

представить себе, что такое огромное водное пространство не соединяется с другими морями.

Как известно, первым походом русских людей на Байкал считается поход 1643 года, когда здесь объявился якутский пятидесятник Курбат Иванов с отрядом. Часть прибайкальских бурят тогда приняла русское подданство. Экспедиция Курбата состояла из 28 служилых и 48 промысленных и гулящих людей. Проводником стал тот самый князь Можеул, от которого мы и узнаем о плавании русских по Байкалу в 1640 году. Суда для своего похода Курбат Иванов строил сам. На них переправлялись на Ольхон. Здесь сам предводитель отряда задержался, а десятника Скороходова с 36 людьми отправил на верхнюю Ангару. Отряд Скороходова прошел по западному берегу Байкала до Верхней Ангары, поставил зимовье и собрал ясак с тунгусов, а затем ушел на реку Баргузин. Однако в пути был побит тунгусским князем Архича Баатуром. Зимовье же, основанное русскими на верхней Ангаре, захватил тунгусский князь Яконкагир.

Курбат Иванов вернулся в Верхолениск, где осенью 1643 года подготовил «Чертеж Байкалу и в Байкал падучим рекам и землицам, распросные речи тынгусов и братцких людей про мунгал и про Китайское государство и про иные землицы и на Байкале где можно быть острогу». Правда, работу первопроездца Курбата Иванова до сих пор никто не нашел. Прибайкалье славилось своими легендами и преданиями, богатой и героической историей. Здесь формиро-

валась своеобразная культура хозяйствования, которая во-брала в себя многое из быта различных народов, живших тут издревле или обретших вторую родину.

Байкал, как природный объект, формировал не только культуру, но и особый тип взаимоотношений – тип, построенный на героике байкальских стихий, сложного процесса адаптации к непростым климатическим условиям, конкретной флоре и фауне...

Самое крупное хранилище чистой пресной воды на Земле

Байкал – самое крупное хранилище чистой пресной воды на Земле. Ученые оперируют таким количеством, как одна пятая всех мировых запасов. А по объему водной массы Байкал, к примеру, превосходит Балтику.

Байкал расположен почти в центре Азии. Длина береговой линии озера – 2 000 км, длина озера между двумя крайними точками – 636 километров, ширина – 79,5 км. Площадь водного зеркала составляет 21 500 квадратных километров. Из 30 островов (подсчеты Черского и Гусева) самый большой остров – Ольхон. Самый большой полуостров – Святой Нос. Водосборный бассейн Байкала составляет 557 500 квадратных километров. В Байкал впадают сотни рек, ручьев, источников. А из озера вытекает одна-единственная река – Ангара.

Максимальные глубины на Байкале достигают 1 620 метров в средней котловине, 1 423 – в южной, 890 – в северной.

О природе Байкале, его тайнах и могуществе писали в своих записках путешественники и дипломаты, о нем слагали стихи, легенды, предания. Здесь столько удивительного, порой необъяснимого. Взять хотя бы поющие пески. В пустынях и около водоемов они расточают свою особенную му-

зыку. Оказалось, что в Сибири они тоже есть – на Байкале. Н. Волков так описывал это чудо на мысе Турали: «Байкальские поющие пески особенно активизируются во время прибоя, сопровождаемого ветром. Чем дальше затягивалась беседа, тем с большим нетерпением мы ждали таинственный берег. Как только катер сбавил скорость, все обитатели судна высыпали на палубу. Еще издали четко обозначилась золотисто-желтая дюна, занимавшая всю береговую полосу неглубокой лагуны. Одной стороной она полого опускалась в воду, другой, круто взметнувшейся вверх, явно наступала на лес. Часть деревьев была уже наполовину засыпана песком.

Катер опустел, едва приткнувшись к берегу. И, пожалуй, впервые участники экспедиции пожалели, что стояла тихая погода: песок молчал. Но он не остался безразличным к физическому воздействию на него. При ходьбе песок издавал громкий скрип, очень напоминавший скрип кожаной обуви.

Когда же кто-то начал резко загребать его каблуками сапог, скрип усилился и перешел в отрывистый свист. На вертикальные удары палкой песок ответил слабым похрустыванием, очень похожим на хруст крахмала...»

В 1817 году Николай Семивский, автор очень интересной и поучительной книги «Новейшие... повествования о Сибири», написал «Послание с Невы на Ангару», в котором рассказал об одном из катастрофических происшествий на Байкале, когда в один миг под воду ушла гигантская поверхность земли.

На Байкале даже ветры особые. Местные жители каждому дали имя. Баргузин – северо-восточный, Верховик – северо-западный, Сарма – северо-западный, Горный – дующий перпендикулярно берегу, Шелонник – «гуляющий» на восточном побережье. С ужасом говорят рыбаки о «толчее», когда на середине озера встречаются разные ветра.

В одном из первых исследований, связанных со строительством Забайкальской железной дороги в 1894 году, были получены любопытные данные о ветрах. Итак, с юго-востока дул «Култук с камня», с юга – Шелонник, с юго-запада – Култук. Вот как характеризовались эти три байкальских ветра в отчете экспедиции по исследованию Байкала: «С юго-западного конца озера Байкал, от селения Култук дует противоположный Верховику ветер Култук. У юго-западного берега он не чувствителен под защитой гор; летом повторяется очень часто, но при значительной силе достигает лишь до половины Байкала; осенью он бывает сильнее и дует через все озеро. Так как при продольных по озеру ветрах волны имеют большое расстояние для пробега, то при этих ветрах они хотя и достигают большой величины, но бывают правильные, крупные и прокатистые... Западный ветер (например, для Мысовой по направлению от Лиственничной) бывает только осенью, но и тогда дает незначительную волну.

Южный (Шелонник) и юго-восточный («Култук с камня»), падая со снежных вершин гор юго-восточного берега от устья реки Снежной по направлению к Лиственнич-

ному, обыкновенно сменяют собой ветер горный, исключительно бывают осенью, отличаются непродолжительностью, порывистостью и разводят у северо-западного берега сильную, крупную и частую зыбь...»

Верховик – так называют северный ветер, который дует из долины реки Верхняя Ангара вдоль озера на юг.

В песне «Славное море» воспет могучий ветер Баргузин. Встретиться с ним чаще всего можно в центральной части Байкала. Он дует из Баргузинской долины поперек и вдоль Байкала.

Одним из самых коварных считается Горный. Этот ветер рождается на западе и северо-западе Байкала. Появляется он внезапно, срываясь с гор. И, конечно, Сарма – мощный, самый страшный из байкальских ветров. Он вырывается из долины реки Сарма. Известный байкальский исследователь Вознесенский писал: «Ветер этот отличается не только своей ужасающей силой и продолжительностью, но и тем еще, что он поднимает целые тучи водяных брызг, быстро обледеневающих в воздухе. Эти брызги уносятся сравнительно высоко, так что ими обильно покрываются не только мачты судов, но и весь скалистый полуостров Кобыльей головы (на Ольхоне) как с наветренной, так и с подветренной стороны. Метеорологическая будка, дождемер и мостик, находящиеся на высоте 8—10 метров выше воды, во время Сармы покрываются толстым ледяным слоем».

Байкал оказывает огромное влияние на формирование

климата прилегающих территорий. По многолетним наблюдениям, температура зимних месяцев в районе Култука и Лиственничного выше, чем в Иркутске. Так, средняя температура декабря в Лиственничном -11 градусов, в Иркутске -17,9 градусов. Температура весенних и летних месяцев, наоборот, ниже. Причина такого расхождения хорошо известна. За лето поверхность Байкала накапливает тепло, а потом осенью постепенно отдает его. Весной же поверхность озера нагревается медленно. И это влияет на понижение температуры.

По данным ученых, Байкал оказывает влияние на территории, находящиеся приблизительно в радиусе 100 километров. «В Верхоленске мы имеем среднюю температуру декабря -25,2 градуса, тогда как на Ушканьем острове – -9 градусов. Другими словами, на расстоянии 160 верст мы имеем разницу средних месячных температур 16 градусов. В среднем 1 градус на каждые 10 верст. В действительности разница еще резче, так как единственной причиной, препятствующей распространению согревающего влияния Байкала в направлении на северо-запад, служит мощный, но узкий береговой хребет, поднимающийся крутой стеной по западному берегу Байкала».

Байкал – край минеральных источников. Знаменитые горячие и холодные ключи в Хакусах, Горячинске, Давше, Тункинской долине издревле использовались местными жителями в лечебных целях. В Большереченском и Котельников-

ском источниках температура приближается к температуре кипения. Известны источники в районе Чивыркуйского залива – Питалевский, Фролихинский, Давшинский, Гаргинский, Томпинский, Алинский, Кулинский.

Температура байкальских источников выше, чем у минеральных источников Кавказа. Разница эта доходит до 27 и даже 46 градусов. К примеру, в знаменитом источнике «Большая речка» в Баргузинском заповеднике температура воды достигает 76 градусов.

Вблизи источников ученые находили уникальные образцы флоры. Известный натуралист и путешественник О. Гусев писал, что «все эти растения и животные были признаны реликтами, сохраняющимися в этих местах уже более миллиона лет, с того исторического периода развития земли, когда в Прибайкалье господствовала теплолюбивая фауна и флора.

М. Г. Попов расценил эти находки как реликты палеоценовой или миоценовой субтропической флоры, сохраняющиеся в этих местах с середины третичного периода, то есть на протяжении 25—40 миллионов лет!»

На Байкале, по данным ученых, 27 больших и маленьких островов. Каждый из них играет свою роль в жизнедеятельности озера. К примеру, «острова Камешек-Безымянный и Голый Кылтыгей являются оригинальнейшими птичьими базарами северного Байкала. Десятки гнезд серебристых (*Larus argentatus mongolicus*) и сизых (*Larus canis heinei*) ча-

ек видны на их каменных карнизах. Остров Камешек-Безымянный – гнездовье больших бакланов (*Phalacrocorax carbo sibiricus*), единственное на всем северном Байкале. На острове Лохматый Кылтыгей М. Г. Поповым было найдено интересное растение – новый мак с большими белыми цветами, признанный ученым загадочным эндемом Лохматого Кылтыгея. На острове Бакланьем гнездятся тетерева (*Lagopus lagopus*) и, что самое интересное, весной бывают страстные тетеревиные тока».

Та часть Байкала, которая находится между Ольхоном и западным берегом, называется Малое море. Продолжением Ольхона считается полуостров Святой Нос. По данным геологов, когда-то они составляли одно целое.

В 70 километрах от Ольхона, на северо-востоке, расположились Ушканьи острова – Большой Ушканый и три Малых Ушканчика – Долгий, Круглый и Тонкий. Названия их ученые связывают с тем, что в старину здесь водилось много зайцев (ушканов). Группа Ушканьих островов находится напротив полуострова Святой Нос.

Окаймляют Байкал хребты, поэтому берега озера высокие, по большей части скалистые, крутые и часто отвесные. Береговые линии Байкала волнистые, вогнутые участки образуют бухты. А выступающие – мысы. Их в Байкале насчитывается до 174.

По западному побережью Байкала идут Приморский и Оротский хребты. Продолжением Приморского хребта

является Байкальский хребет. Приморский хребет, гористый, возвышающийся над уровнем Байкала, круто опускается к самому побережью озера. Вершины хребта достигают 1 857 метров абсолютной высоты. Онотский хребет идет к западу от Приморского и является водоразделом рек, впадающих в Байкал, и притоков Лены и Ангары.

Вдоль южного и юго-восточного берега Байкала идет хребет Хамар-Дабан (в переводе с бурятского – Хребет-нос). Хамар-Дабан – водораздел бассейна Байкала и Иркутка с одной стороны и Селенги с другой. Вершины этого хребта поднимаются до 2 300 метров абсолютной высоты.

На северо-западе Байкал ограничен Кичерским хребтом. На западе расположен хребет Улан-Бургасы. Вдоль Восточного берега северной части Байкала тянется Баргузинский хребет. Баргузинский хребет – своеобразный водораздел между реками Подлеморья и Баргузинской долины.

Байкал окружен рядом озер, которые здесь называются сорами. Те соры, которые сообщаются с озером небольшими проливами, называют прорвами. Соры на Байкале разные: от небольших до таких, которые насчитывают несколько десятков квадратных метров. Есть и озера, с которыми Байкал связан непосредственно. К примеру, озеро Духовое на 95 метров выше уровня Байкала. Из Духового вытекает одноименная речка, которая несет свои воды в Байкал.

Байкал имеет три залива: Баргузинский, Чивыркуйский и Провал. По величине самый большой – Баргузинский, за-

тем идет Чивыркуйский и, наконец, самый маленький – Провал.

Перешеек, связывающий полуостров Святой Нос с материком, разделяет два крупных залива – Баргузинский (он вдается в материк на 32 км) и Чивыркуйский. Последний описывал Н. Волков: «Вначале дружно согласились с тем, что Чивыркуйский залив – по меньшей мере „осколок Кавказского побережья“ и что, если здесь провести свой летний отдых, не надо будет ехать ни на какой южный курорт. К его достоинствам единодушно отнесли великолепный, густо напоенный ароматами лесов воздух; горячие источники, в которых можно принимать лечебные ванны; многочисленные бухточки и лагуны, глубоко вдающиеся в материк и потому хорошо прогреваемые в летнее время. В этих местах можно сколько угодно купаться и загорать на солнце. Живописные сопки, распадки и горные кручи, прилегающие к заливу, позволяют совершать самые разнообразные прогулки и походы. Не забыты были и ягоды, грибы, дичь, которыми славятся здешние места, а также рыбные богатства Чивыркуйского залива, являющегося одним из крупнейших промышленных районов Байкала».

Полуостров Святой Нос образует и целый ряд небольших заливов (губ) – Онгоконская, Змеиная губа, губа Фертикова.

А вот история о заливе Провал. «Случилось это в канун нового 1862 года. Жители Цаганской степи, привольно раскинувшейся к северу от устья р. Селенги, и прилегающих

к ней таежных деревень Дубинине, Шерашева, Инкиной, Кударинской и Оймурской заканчивали последние приготовления к традиционным празднествам. Доваривали крепкие меды, доставали из погребов солености и копчености, специально припасенные для этих дней.

Тридцатого декабря, под вечер, когда многие рыбаки и охотники уже собирались сесть за столы, чтобы проводить старый 1861 год, послышался подземный шум. Но поскольку такого рода явления, вплоть до подземных толчков, здесь повторялись довольно часто, никто не придал этому особого значения. Однако вскоре шум усилился и стал похож на быстро приближающуюся бурю. Вслед за тем раздался первый толчок, и земля волнообразно заколебалась. Сами собой зазвенели колокола на церквах, попадали самовары и скамьи, открылись двери и ворота. А когда от очередного удара избы затрещали и заскрипели, люди в страхе побежали на улицу.

Быстро наступившая ночь не только не принесла желанного успокоения, а еще больше усугубила тревогу: земля почти все время дрожала мелкой нервной дрожью, что-то невидимое в темноте лопалось и рушилось. О сне и отдыхе все забыли.

Назавтра все как будто улеглось. Но в полдень раздался еще более грозный подземный шум, смешанный с треском и грохотом. Земля начала так вздрагивать и колебаться, что на ней уже стало невозможно стоять. Людей и скот броса-

ло из стороны в сторону. Двадцатипудовые бочки с рыбой перекачивались по дворам. Воздух наполнился криками людей и ревом обезумевших животных. Даже птицы начали падать с неба и старались укрыться в домах и надворных постройках. Почти повсеместно земля растрескалась, и в воздух ударили фонтаны теплой воды, смешанной с песком, илом и грязью. Местами они поднимались до четырех—пяти метров высоты. Вместе с ними, как пробки, вылетали срубы колодцев. Жители деревни Кударинской и одного из степных улусов впоследствии уверяли, что они ясно видели искры и огонь, которые вырывались из-под земли и опалили некоторые постройки. В той же деревне Кударинской во время одного из сильнейших ударов разрушился купол церкви и, упав на обе стороны храма, разрушил боковые пристройки. Часть каменных глыб обрушилась внутрь храма и проломил пол.

В этот роковой день исчезла под водой вся Цаганская степь, занимавшая более двухсот квадратных километров. По словам очевидцев-бурят, в тот момент, когда земля резко осела, байкальская вода поднялась стеной, в трех местах прорвала береговую гряду и всесокрушающим шквалом понеслась по степи. То, что не было разрушено водой, в порошок стерли огромные льдины, пришедшие из Байкала вслед за водяным валом.

Но местами степь опускалась медленно и еще накануне была затоплена теплыми грунтовыми водами. Это зна-

чительно уменьшило разрушительные действия байкальской волны. В таких местах затонули сотни юрт, домов и хозяйственных построек. Согласно официальной справке, с которой мы познакомились несколько позже, от затопления Цаганской степи пострадало более одной тысячи трехсот человек. Погибло свыше пяти тысяч голов скота, много хлеба и сена. Кроме того, вода поглотила шестьдесят шесть различных заведений, двадцать шесть кузниц и множество различного домашнего и хозяйственного скарба.

После того, как волнения несколько улеглись, жители прилегающих к Провалу деревень два месяца спали, не раздеваясь, в ожидании новых бед. Одновременно они стали обнаруживать новые «чудеса»: у деревни Инкиной открылся весьма обильный ключ, а болото, занимавшее большую площадь земли около деревни Дубинино, совсем высохло. Единственный ключ, издавна снабжавший водой жителей Арбузовской почтовой станции, также исчез бесследно.

Но, пожалуй, самым удивительным было появление плавающих островов. Горы тундровой земли с лесом и отличными сенокосными угодьями отделились от берега новоявленного залива и начали блуждать в нем по воле волн и ветра. И просуществовали они довольно долго. Когда их прибывало к материку, крестьяне заготавливали на подвижных лугах сено.

С течением времени эти блуждающие острова были разрушены водой и ветром и исчезли.

Немало тревожных минут пережили в те новогодние дни и жители многих населенных пунктов, удаленных от Цаганской степи на сотни километров.

Так, в Иркутске ясно слышали подземный гул, похожий, по словам одних очевидцев, на шум полноводной и быстро текущей реки, а по словам других – на шум кипящей в котле воды. И здесь тоже отчаянно трещали и скрипели дома, разваливались печные трубы, самопроизвольно звонили колокола, брэнчала в шкафах посуда. Все кресты на церквах повалились набок и накренились в разные стороны.

Землетрясение, которому обязан своим рождением залив Провал, было слышно на огромной территории в полтора миллиона квадратных километров: от Александровского завода в Читинской области до Нижнеудинска в Иркутской области и от Тунки-Урги на юге до Киренска на севере».

На Байкале существует несколько заповедников. Долгое время в мире, как известно, эквивалентом валюты являлась пушнина. Сибирская пушнина имела огромное значение в экономике России и Сибири, так как ее экспорт являлся важной доходной статьей.

С. В. Бахрушин по этому поводу писал: «Ясак, т. е. сбор мехов в виде дани с туземцев, и десятая пошлина натурой с русских промыслов были, в сущности, сначала единственным, зато чрезвычайно сильным интересом, который привлекал Московское государство на восток и ради которого произведена была оккупация страны: строились города,

содержались гарнизоны, заводилось земледелие. По расчетам Котошихина, «соболиная казна», поступавшая из Сибири и из восточных областей Европейской России, достигала грандиозной ценности в 600 000 рублей и составляла около трети тогдашнего доходного бюджета государства. За отсутствием благородных металлов «соболиная казна» до известной степени играла в финансах XVII века роль современного золотого фонда. При недостатке металлических денег меха шли и на жалованье служилым людям, и на награды боярам и духовным лицам, и на подарки иностранным «потентам», и на милостыню восточным церквям. Но главное значение этого фонда «мягкой рухляди» заключалось в том, что он давал возможность правительству сосредоточить в своих руках всю внешнюю торговлю мехами и вместе с тем ссужать московских купцов пушным товаром для торговли. Таким образом, при крайней примитивности тогдашних финансов, слабом развитии денежного оборота и полном почти отсутствии торгового кредита сибирские меха, поступавшие в казну, являлись не только одним из наиболее крупных средств для поддержания колеблющегося московского бюджета, но и одним из важнейших факторов торговой жизни государства, и еще в 1739 г. императорское правительство не считало возможным перевести ясак на деньги из опасения «великого ущерба» казне – «для того, что соболя и прочие звери не без прибыли в торг употребляются».

В середине 17 века только Восточная Сибирь давала

80 тысяч соболей в год, а в целом в России добывалось 200 тысяч зверьков.

Пушной промысел был развит повсеместно. Нельзя сказать, что царское правительство не пыталось его регламентировать. Еще царь Алексей Михайлович Романов, а затем Петр I издавали указы относительно порядка промысла. Но к 90-м годам XIX в. добыча пушнины в Восточной Сибири упала в два раза. В 1910 году во всей России охотники продали всего 27 тысяч соболиных шкурок. Истребление соболя было ускорено резким повышением цен на шкурку с 1900 года. В 1910—1912 годах заготовительная стоимость баргузинского соболя достигла огромных по тем временам цен – 235 рублей в среднем за шкурку и даже 400, а иногда и 600 рублей за наиболее ценные.

Баргузинской соболь считался одним из лучших в мире. Для охраны его был создан Баргузинский соболиный заповедник, а для организации пушносырьевых торгов в Баргузинском уезде действовали две ярмарки – Баунтовская и Улюнская.

Над соболем, который добывался без особых ограничений, к началу XX века нависла угроза исчезновения как вида. Единственным выходом из ситуации был полный запрет добычи соболя и создание заповедника. И действительно, такой закон последовал в 1912 году: промысел соболя запрещался повсеместно в течение трех лет. Тогда же Департамент земледелия сформировал три экспедиции для

изучения состояния соболя в Восточной Сибири. Один отряд должен был работать на Байкале, второй в районах Восточных Саян и третий на Камчатке. Байкальская экспедиция получила название Баргузинской, поскольку работала на территории Баргузинской долины, где соболь был, как уже говорилось, самого лучшего качества. Возглавил отряд очень известный в России знаток пушного промысла Г. Г. Доппельмаир. В экспедиции было еще четверо участников: Д. Н. Александров, А. Д. Батурин, К. А. Замбелин и З. Ф. Сватош.

21 июня 1914 года участники Баргузинского отряда прибыли в Усть-Баргузин. После непродолжительной подготовки 1 июля на пароходе «Святой Феодосий» экспедиция высадилась в Сосновской бухте на северо-восточном побережье Байкала у западных отрогов Баргузинского хребта. Эти места замечательно описаны прекрасным бурятским писателем Михаилом Жигжитовым. Подлесье – так любовно звали этот район Байкала русские, буряты и эвенки.

В 1914 году участники экспедиции ушли в свои первые маршруты. Д. Н. Александров отправился вдоль берега Байкала до устья Большой. В его задачу входило исследовать водораздел речек Езовка и Большая. Потом он поднялся к речке Курумкан, прошел долинами речек Таркулика и Одораченка. Один из его маршрутов лежал к устью Большой Черемшанки: исследователю нужно было в итоге оказаться в долине реки Баргузин.

Северные байкальские территории исследовал сам Дюпелмаир. А Сватош отправился по долине реки Нергили. Фактически заповедник стал работать с 1915 года. Именно с осени 1915 г. усилиями членов экспедиции на территории будущего Баргузинского заповедника была установлена охрана соболя. Шесть стражников вели наблюдение за местностью.

Исследования продолжались и в дальнейшем. Целью экспедиции было создание будущего Баргузинского заповедника. 17 мая 1916 года постановлением иркутского генерал-губернатора у эвенков изъяли из пользования часть земли, и таким образом был создан сам заповедник и казенный охотничий участок при нем. После многочисленных приключений экспедиция закончила свою работу, а ее участники, за исключением З. Ф. Сватоша и К. А. Забелина, возвратились в Петербург. Последний заведовал охотничьим эксплуатационным участком, а Сватош руководил собственно соболиным заповедником. Они так и остались на всю жизнь преданными этому делу, оба прожили яркую жизнь и последние дни свои провели в заповедных местах.

20 января 1917 года министр земледелия представил в Сенат записку «Об учреждении Баргузинского заповедника».

Общая площадь составила 200 000 га. Одновременно созданный Баргузинский казенный охотничий участок составил 370 000 га.

Баргузинский заповедник расположен на северо-восточ-

ном побережье озера, примыкая к баргузинскому хребту. 100 километров побережья Байкала входит в состав этого уникального природного образования. Площадь заповедника составляет в настоящее время 263 200 гектаров, туда входит и трехкилометровая полоса акватории самого озера.

...Когда природа там, страдая постепенно,
Стонала, мучилась, терзала все, рвала,
Подземным пламенем себя самую жгла;
И место, где с тобой гулял я над Байкалом,
Трясением земли соделала провалом.
...Низринулась земля, и пропасти открылись;
Но пропасти сии отвсюду наводнились.

Байкальские промыслы

Охота

Племена и народы, которые населяли лесные территории Прибайкалья, занимались активной охотой. Там же, где таежная местность сменялась лесостепью или степью, охота шла пассивным способом: с помощью различного вида ловушек, капканов и иного охотничьего инвентаря.

В некоторых районах охотничий промысел играл первостепенную роль в хозяйственной жизни. К примеру, для Южного Прибайкалья он являлся основным родом деятельности населения вплоть до 50-60-х годов XX века.

И. Г. Георги, описывая промыслы народов, населяющих байкальские берега, остановился на «зверловствующих Тунгузах»: «Звериный же промысел производят различно. Они употребляют при том луки, стрелы, рогатины, силки, ловушки, а особливо самострелы и приученных к гоньбе зверей собак... Поелику они ходят на звериной промысел обыкновенно поодиночке и притом смелы, то немало пропадает их от несчастных приключений, падения с гор, увязывания ногами промеж зыблющихся накипей, коими каменистые горы усеяны, также от быстроты рек, от хищных зверей и так далее...

Упражнявшийся счастливо в звериной или рыбной ловле Тунгуз принимается за содержание оленей; оскудневший же оленный Тунгуз берется за звериный промысел и рыбную ловлю либо разводит собак: но ни тот, ни другой не променяют лесов и гор на чистые степи или звериного и других промыслов на скотоводство».

Известно, что в прибрежной полосе Байкала добывали и бобра. Бобровые меха ценились очень высоко, и за них нередко отдавали соболей.

Особой статьей охотничьего промысла была добыча пушного зверя. Удачный сезон приносил экономическое благосостояние семье.

По осени собирал охотников делить «подлеморские речки» знаменитый на весь мир баргузинский соболь. На специальных съездах договаривались, кто и где будет соболевать. Соболевщик – профессия трудная и опасная. Застраховаться от всего было невозможно. Охотника подстерегали непогода и снежные лавины, труднопроходимые перевалы и горные дороги – зачастую единственный путь в определенное время года, позволяющий попасть к местам обитания соболя. Пока Байкал не встал, попасть из Подлеморья к Баргузину можно было только через горы. Этот переход был очень труден, т. к. идти приходилось по безлюдной местности, перебираясь с гольца на голец. Ветра, обычные в крае в это время года, в горах свирепствуют с особенной силой, навевая среди скал огромные массы снега – так называемые навивы, су-

меты. Насколько тяжел переход в такую пору, можно судить по приведенному ниже рассказу бывалого промышленника, которому случалось совершать столь опасные путешествия.

«Шесть раз ходил я через голец, но седьмой раз мог быть смертельным, после чего я заклился ходить через голец. Было нас трое. Подхожу я к скале – сажень семьдесят вышиной, на которую придется влезать. Не имея веревки, оттуда спущенной, сняли мы лыжи, поддели юкши, на рога паняги одели, на ноги базлыги. В эту пору было видно, что подымается выюга; я не оробел и товарищ мой Колмаков Савелич тоже не оробел, но Иван Егорыч сделал шаг назад – взяло его круженье; хотя и долго мы его уговаривали, пришлось подняться на вершину горы, но спастись было негде – выюга усилилась. Я надернул скорее лыжи на ноги и опустил под гору, но тут забыл старые следы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.